

5. Личное дело Воронцова Б. А. Архив МГК. Ф. 1. Оп. 4. Ед. хр. 790. 23 л.
6. Личное дело Герман М. Ф. Архив МГК. Ф. 1. Оп. 4. Ед. хр. 918. 1 л.
7. Личное дело Грана А. А. Архив МГК. Ф. 1. Оп. 4. Ед. хр. 1061. 7 л.
8. Личное дело Евдокимова Я. К. РГАЛИ. Ф. 2099. Оп. 3. Ед. хр. 571. 5 л.
9. Личное дело Евгифьевой О. П. Архив МГК. Ф. 1. Оп. 4. Ед. хр. 1328. 9 л. л.
10. Личное дело Забалуевой Е. Н. Архив МГК. Ф. 1. Оп. 4. Ед. хр. 1423. 5 л.
11. Личное дело Зимины Н. И. Архив МГК. Ф. 1. Оп. 4. Ед. хр. 1511. 7 л.
12. Личное дело Ивановой (Ивановской) В. М. РГАЛИ. Ф. 2099. Оп. 3. Ед. хр. 696. 7 л.
13. Личное дело Ивановской В. М. Архив МГК. Ф. 2. Опись личных дел сотрудников АХЧ. Ед. хр. 1423. 2 л.
14. Личное дело Кнауба А. О. Архив МГК. Ф. 1. Оп. 4. Ед. хр. 1872. 2 л.
15. Личное дело Кнауба А. О. Архив МГК. Ф. 2. Опись личных дел студентов. Ед. хр. 7107. 43 л.
16. Личное дело Красного А. Г. РГАЛИ. Ф. 2099. Оп. 3. Ед. хр. 912. 64 л.
17. Личное дело Металлова В. М. (профессор). Архив МГК. Ф. 2. Опись личных сотрудников ППС. Ед. хр. 96. 28 л.
18. Личное дело Металловой М. В. Архив МГК. Ф. 1. Оп. 4. Ед. хр. 2619. 4 л.
19. Личное дело Металловой Н. В. РГАЛИ. Ф. 2099. Оп. 3. Ед. хр. 1149. 5 л.
20. Личное дело Подьяпольской К. Н. РГАЛИ. Ф. 2099. Оп. 3. Ед. хр. 1384. 3 л.
21. Личное дело Политковского В. М. РГАЛИ. Ф. 2099. Оп. 3., Ед. хр. 1396. 6 л.
22. Личное дело Политковского В. М. (профессор). Архив МГК. Ф. 2. Опись личных сотрудников ППС. Ед. хр. 1480. 25 л.
23. Личное дело Сокальской А. Л. Архив МГК. Ф. 1. Оп. 4. Ед. хр. 3747. 6 л.
24. Никольский Василий Алексеевич. Большая биографическая энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: https://gufo.me/dict/biography_encyclopedia/Никольский,_Василий_Алексеевич
25. Рулякова А. Э. О первом педагоге Саратовского музыкального училища Владимире Викторовиче Тартакове // Культурная жизнь Юга России. 2018. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-pervom-pedagoge-saratovskogo-muzikalnogo-uchilisha-vladimire-viktoroviche-tartakove>
26. Хачаянц А. Г. Евдокимов Яков Кузьмич // Саратовская государственная консерватория им. Л. В. Собинова: 1912–2012: Энциклопедия. / Минкультуры Саратовской обл.; Саратовская государственная консерватория. Саратов: Изд. ИП Везетнинова, 2012., С. 126–127.

«ВЛАСТЬ ДЕРЖАТЬ НАД ПОЛНЫМ ЗАЛОМ»: ЗВЕЗДНЫЕ МОМЕНТЫ САРАТОВСКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ В СОБЫТИЯХ И ЛИЦАХ

Сколько их было, этих звёздных моментов! В судьбах исполнителей, в радостном чувстве сопричастности слушателей, в жизни самой альма матер — для тех, кто обучается здесь и преподаёт... Если есть в Саратове место абсолютно сакральное для меня — так это Большой зал консерватории. Когда-то над всеми другими моими знаниями превалировал исторический факт: именно здесь была провозглашена советская власть в Саратове и окрестностях. Гораздо позже ошеломление вызвала фотография публичного судилища над саратовским духовенством. Действие происходило именно в интерьере Большого зала осенью 1919 г.

Каждый раз, когда мне попадают сведения о гастролёрах, я всегда задаюсь вопросом: где это было в Саратове? В Коммерческом собрании, в саду Очкина или в консерватории? Удивительно, но почему-то очень редко я встречала информацию о том, что заезжие знаменитости выступали в зале Дворянского собрания — вместительном, с прекрасной акустикой. (Как жаль, что это здание на углу улиц Московской и Соборной не уцелело). Но, вероятно, собрав полный зал музыкального училища, с 1912 г. консерватории, было исключительно престижно.

В статье я упомяну имена гастролёров, приезжавших к нам в 1910-м и 1915 годах. Это представители разных направлений искусства: поэтического цеха, хорового исполнительства, хореографии. Начнём с поэта...

Константин Дмитриевич Бальмонт (1867–1942) несколько раз приезжал в Саратов. Был он даже в феврале 1919 г., выступая перед саратовцами, тогда уже советскими гражданами, поразив их воображение лекцией на необыкновенно актуальную для того времени тему «Рыцарь девушки-женщины». И всё это в условиях реальной угрозы взятия Саратова армиями белых. Не сомневайтесь, однако, что и на сей раз приезд обожаемого Бальмонта имел у публики грандиозный успех. Встреча с поэтом прошла, конечно, в консерватории [1].

Личность этого во всём неординарного человека, его стихи и феерические мелодраматические несколько десятилетий были чрезвычайно востребованы самыми широкими слоями его читателей и почитателей. Бальмонт, как яркий представитель Серебряного века, достиг пика популярности, купаясь в славе...

Нам интересен его приезд в Саратов в 1915 г., когда у русского поэта-символиста, переводчика и автора многочисленных сборников стихов и прозы за плечами был уже опыт первой эмиграции.

С 1906 по 1913 гг. К. Д. Бальмонт обосновался в Париже, считая себя политическим эмигрантом, и много путешествовал. В 1912 г. он совершил длительное путешествие, длившееся 11 месяцев, посетив Канарские острова, Южную Африку, Австралию, Новую Зеландию и другие экзотические для европей-

ца места земного шара. Особенно глубокие впечатления на поэта произвела Океания — острова Новая Гвинея, Самоа, Тонго. После возвращения в Россию кумир поколения и властитель дум ездил по стране с лекциями. Одна из них, «Океания», осенью 1915 г. была прочитана в Саратове.

В газете «Саратовский вестник» [2] появились такие материалы о пребывании К. Д. Бальмонта в Саратове, которые сегодня кажутся как будто бы невероятными, а на самом деле в очередной раз свидетельствуют о потрясающей разноплановости повседневной жизни и её отражении на страницах печатных изданий....

На фоне сообщений, связанных с Первой Мировой войной (которая в то время называлась Великой) — например, о сооружении четырнадцати барakov на Дегтярной площади в Саратове, где планируют разместить свыше трёх тысяч беженцев — мы читаем фрагменты рассказа К. Д. Бальмонта о его путешествии в экзотические заморские страны. И рассказ этот, как и нас сегодняшних, буквально завораживает присутствующих тогда в зале.

«Все места в консерватории были заняты, слушатели теснились в проходах и на эстраде. Лектор всё время был предметом шумных оваций». Есть от чего закружиться голове и замереть сердцу. «По мере приближения к мысу Доброй Надежды главенствующим становится небесное распятие — Южный Крест... Сегодняшний людоед-папуас глядит с улыбкой на белого — на душе становится жутко... Племя майори любит танцы и волхования. У них красивые женщины, которые умеют любить и биться рядом с мужьями и братьями. В жизни золотистого народа всё сказочно» — это лишь некоторые колоритные цитаты из лекции «Океания», прозвучавшей в зале Саратовской консерватории 1 ноября 1915 г. Как жаль, что нас там не было...

А вот Михаил Яковлевич Гордель, преподаватель по классу виолончели Саратовской консерватории, автор текста кантаты на открытие Саратовского университета, — он там точно был. И посвятил своему кумиру следующие поэтические строки:

Проходят дни... В туманы скрыты дали,

И не горит в душе огонь мечты...

Но Вы вошли — и вновь мы задышали,

И жадно пьём из чаши красоты.

Пусть этот миг, и снова пробужденье

Несёт удар встревоженным мечтам.

Хвала судьбе за Ваше появление,

За светлый сон, привидевшийся нам.

Концовка этих восторженных поэтических строк потонула в шквале бурных аплодисментов. Виновник торжества был искренне тронут и в дальнейшем тепло вспоминал этот миг своего триумфа в Саратовской консерватории и сам город, где был «очень-очень облакан». Лекция и новые напевные стихи гения произвели на публику сильное впечатление. «Волшебная власть поэзии была вскрыта Бальмонтом до конца». Такое, и правда, не забывается.

Ранее, ещё в довоенные времена, в августе 1910 г. в Саратов приехали гастролёры, которых ждали здесь с особым интересом. Одна из городских газет анонсировала: «Сегодня, 3 августа в зале музыкального училища состоится концерт русской народной, исторической, бытовой песни М. Д. Агрёновой-Славянской, дочери известного народного певца и собирателя народных песен Д. А. Агрёнова-Славянского» [3].

Певческий коллектив «Славянская капелла», был создан Дмитрием Александровичем Агрёновым (1834–1908) в 1868 г. Выпускник Московского консерватории, участник Крымской войны, солист Мариинского оперного театра — Д. А. Агрёнов, однако, прославился, прежде всего, как создатель и руководитель смешанного хора, слава которого гремела по городам и весям. За 40 лет своего существования хор гастролировал и в России, и по всему свету. Иной раз число певцов доходило до 100 и более человек! Капелла отличалась профессиональной слаженностью и особой душевностью в исполнении оригинальных песен, дум, сказаний, преданий. Впервые в репертуар этого народного хора были включены былины и причитания. Неизгладимое впечатление на слушателей производили стилизованные боярские костюмы певцов. Хор Д. А. Агрёнова, безусловно, способствовал пропаганде русских и славянских песен. Отсюда и сценический псевдоним создателя хора — Славянский.

Известный саратовский краевед В. И. Вардугин приводит в своей книге цитату из письма Фёдора Ивановича Шалипина Д. А. Агрёнову: «Русскую песню я от Вас взял. Это Вы научили меня, как надо петь русскую песню» [4]. Дмитрий Александрович был хорошо знаком с композитором и музыкальным обозревателем местных газет Иваном Петровичем Ларионовым — автором хита на все времена «Калинки». И получил в лице И. П. Ларионова единомышленника и горячего поклонника [5].

В 1908 г. Д. А. Агрёнов скончался во время гастрольной поездки в Болгарию. Встал вопрос — кто продолжит его традиции. «Славянская капелла» разделилась на два коллектива. Одним из них руководил сын певца Юрий Дмитриевич, приехавший со своим хором в Саратов в 1914 г. [6]. Широко был известен и другой коллектив под руководством Маргариты Дмитриевны Агрёновой-Славянской.

Газета «Волга» сообщила саратовцам, что «хор г-жи А.-С. состоит из 40 человек — мужчин, женщин и детей. Капелла недавно возвратилась из турне по Англии и Германии. В Лондоне концертировали ежедневно в течение шести недель. Успех русских вечеров г-жи А.-С. достиг в английском обществе своего апогея, когда капелла удостоилась приглашения ко двору ныне покойного короля Эдуарда, лично благодарившего хор за доставленное удовольствие. Очевидно, в память о недавних лондонских триумфах в программе прозвучит национальная песня «Rule Britannia» Начало концерта в 8 с половиной часов» [7].

Действительно, эта песня обозначена в программе «Вечера русской народной, исторической и бытовой всеславянской песни». Концерт хора Мар-

гариты Агрёвой-Славянской с большим успехом прошёл в зале Саратовского музыкального училища 3 августа 1910 г. Нет сомнения, что наряду со старинными сказаниями, народными песнями, колядками и прибаутками патристическая песнь «Rule Britannia» вызвала бурный восторг публики, пришедшей на концерт в историческое здание на пересечении улиц немецкой и Никольской (Радищева).

Документ, который даёт представление об этом концерте в двух отделениях, имеется в фонде Саратовской учёной архивной комиссии [8]. Можно предположить, что член СУАК, нотариус Григорий Григорьевич Дыбов-младший (1868–1920), сохранивший эту программу выступления именитых гастролёров, сам был в числе слушателей капеллы Маргариты Агрёвой-Славянской. В мае того же 1910 г. он уже побывал на симфонических концертах дирижёра С. А. Кусевича, приезжавшего со своими музыкантами в Саратов. Выступления оркестрантов — и самого А. Н. Скрябина, исполнившего свой Первый фортепианный концерт! — также происходили, на сцене будущей консерватории. Об этом свидетельствует надпись на концертных программах, сделанная рукой Г. Г. Дыбова. Все эти сведения о музыкальных вечерах 1910 г. — с подробными аннотациями, газетными рецензиями и фотографиями — Григорий Григорьевич отослал в Аткарек своему старшему другу, патриарху саратовского краеведения Александру Николаевичу Минху (1833–1912) [9]. После смерти А. Н. Минха эти архивные материалы пополнили фонд СУАК (Саратовской Ученой Архивной Комиссии).

Характерный отзыв на выступление хора М. Д. Агрёвой-Славянской дала саратовская газета «Волга»: «На измочаленную городскую интеллигенцию вдруг повеяло чистым, крепящим воздухом русской народной жизни. Успех был полный. Не будь сильного дождя, длившегося целый вечер, зал нашего музыкального училища был бы, наверное, переполнен» [10].

В том же 1910 году, когда в Саратове гастролировал хор Маргариты Агрёвой-Славянской, в Москве на сцене Большого театра в одной из своих наиболее ярких партий, в балете «Саламбо» выступала Екатерина Васильевна Гельцер (1876–1962). Ей ещё только предстоит стать одной из самых известных балерин Страны Советов: в 1925 г. Е. В. Гельцер будет удостоена звания народной артистки РСФСР, а в 1943 г. получит Сталинскую премию.

В балете А. Ф. Аренса «Саламбо» 34-летняя Екатерина Гельцер создала пленительный образ карфагенской жрицы, придуманный полвека назад до этого французским писателем Гюставом Флобером (1818–1880). В этой трактовке определились основные качества дарования танцовщицы: тонкая реалистичность и психологическая правда.

В Саратове Е. В. Гельцер бывала неоднократно как с сольными выступлениями, так и в составе труппы. В 1920-х годах она выступала на сцене театра оперы и балета. И саратовцы смогли вновь оценить талант и совершенную технику балерины. В рецензиях на её выступления — сплошные восторженные слова признания: создаваемые ей образы необычайно красочны и выразитель-

ны, в характерных танцах она не имеет соперниц, Гельцер — большой драматический талант...

Был в репертуаре артистки и «Умирающий лебедь», конечно. И вот какой казус имел место, когда Екатерина Васильевна в очередной раз приехала в Саратов. О чём со знанием дела поведал её антрепренёр Илья Ильич Шнейдер (1891–1980) в своих «Записках старого москвича» [11]. К сожалению, в мемуарах нет указания на точную дату выступления Е. Г. Гельцер. «В одну из пятниц по заданию дирекции [Большого театра. — М. Ш.] я срочно выехал в Саратов, с тем, чтобы объявить гастроль Гельцер на воскресенье в зале консерватории.

В субботу утром я уже был на месте, в Саратове, и, проделав все формальности, поехал в типографию, чтобы заказать афишу, которая через несколько часов должна была оповестить саратовских жителей о завтрашней гастрольной знаменитости. Типография оказалась закрытой. Не теряя времени на расспросы и выяснения причины, я поехал во вторую и последнюю в городе типографию, где меня равнодушно встретил такой же молчаливый замоч... Оказалось, что обе типографии принадлежат хозяевам-евреям и закрыты по случаю субботнего дня.

На том же извозчике я проехал прямо в полицию и, заплатив 8 рублей, взял там наряд на двух городских, которые должны были явиться к 12 часам завтрашнего дня к главному входу консерватории. Потом заказал художнику срочный плакат на огромное стекло, выходящее на немецкую, и успокоился.

Действительно, дело было сделано и уже вечером в воскресенье Е. В. Гельцер удовлетворённо поглядывала в щёлку в двери на переполненный зал консерватории. На балконе были установлены два прожектора, которые обязательно требовала Екатерина Васильевна, исполняя партию «Умирающего лебедя». И вот тут случилось то, что случилось...

Концерт сначала протекал гладко до «Умирающего лебедя», в котором Гельцер поплыла на пуантах по сцене в белоснежной пачке, с опущенными рукавами-крыльями, с лебедьными перьями, обрамляющими голову, но... с совершенно лиловым и приобретающим какой-то трупный оттенок лицом. С похолодевшей душой я поднял глаза на «хоры», где сияли два кружка фиолетового цвета. Очевидно, монёр-осветитель был дальтоником или сознательно считал, что тёмно-лиловый цвет приближен в спектре к синему и заменит лунный свет... Номер провалился. С разъярённым лицом Гельцер собралась с двухступенчатой приставленной к эстраде лесенки, и, подняв её рывком выше головы, с силой и грохотом бросила об пол. «Умирающий лебедь» подошёл ко мне с горящими глазами, подняв голову как королева. Она надулась, и мы больше не разговаривали в этот вечер...».

Далее идёт зарисовка совершенно бытового характера, но с характерной для И. Шнейдера юмористической конюшкой. Москвичи из «свиты» Екатерины Васильевны ночевали в частной квартире, поскольку в дни войны гостиницы в Саратове были реквизированы на военные нужды. Потом, как пишет Шнейдер, «мы все были заняты поисками битой птицы — кур, гусей и уток, которых в Саратове можно было достать, тогда как в Москве каждый гусь считался редкостью и стоил непомерно дорого. Мы раскупили всю принесённую нам птицу,

взяв, конечно, и на долю нашей примадонны. Но гусей было всего два. Когда Гельцер вернулась домой, она опять вспылила, узнав, что осталась без гуся. Я прекратил этот фейерверк, молча принес ей своего.

В вагоне я увлек всех в своё купе, и мы занялись картами. Гельцер осталась в одиночестве. Спусти долгое время я вышел покурить в коридор. Екатерина Васильевна подошла ко мне и спросила, неужели я всё ещё сержусь на неё из-за гуся. — Да не из-за гуся, а из-за лебедя! — с сердцем воскликнул я. Лебедь был сломлен...».

Литература

1. Вардугин В. И. И один в поле воин. Саратов, 2022. 254 с.
2. ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 729, ЛЛ. 138-145 об.
3. Известия губисполкома совета крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов. 8.02. 1919. С. 3.
4. Ханецкий В. Е. Отзвучавшее. Саратов, 2017. 658 с.
5. Шашкина М. Н. Саратов, 1910 г.: гастроли оркестра С. А. Кусевич-кого // Вестник Саратовской консерватории. Вопросы искусствознания. 2020. № 4 (10).
6. Шнедфер И. И. Записки старого москвича. М. 1970. С. 139-141.
7. Известия губисполкома совета крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов. 8.02. 1919. С. 3.
8. Волга 3.08. 1910. С. 3.
9. Волга. 5.08. 1910. С. 3.
10. Саратовский вестник. 3.10.1915. С. 2.

МУЗЫКАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ САРАТОВСКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ XX — НАЧАЛА XXI ВЕКА: ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ

Л. А. Вишневская

ТРАДИЦИИ ПРЕПОДАВАНИЯ ГАРМОНИИ В САРАТОВСКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ

Открывшаяся в 1912 году, третья в России, Саратовская консерватория поначалу имела несколько классов музыкально-теоретических дисциплин, среди которых ведущим был класс композиции, контрапункта (полифонии) и гармонии. Подобное название говорит само за себя и отражает структуру исторически сложившегося музыкально-образовательного триумвирата — сочинение-контрапункт-гармония. В этом контексте закономерен факт создания первых отечественных учебников по гармонии именно композиторами: П. И. Чайковский — в Московской, Н. А. Римским-Корсаковым — в Санкт-Петербургской, Л. М. Рудольфом — в Саратовской консерваториях.

У истоков традиций преподавания гармонии в Саратовской консерватории стояли маститые музыканты, которые получили столичное образование и обеспечили высокий профессионализм в изучении и преподавании дисциплины «гармония». Это основатели кафедры теории музыки и композиции *Леопольд Морилевич Рудольф* (1877–1938) — ученик М. М. Ипполитова-Иванова по классу композиции и С. И. Танеева по классу контрапункта и анализа, и *Георгий Эдуардович Колюс* (1862–1933) — ученик А. С. Аренского по классу композиции и С. И. Танеева по классу контрапункта и анализа. И Рудольф, и Колюс трактовали дисциплину «гармония» как специальную (наряду с контрапунктом и композицией) и практическую. И в этом плане содержание учебных пособий по гармонии Рудольфа и Колюса являются наглядным тому подтверждением [20; 16].

Ещё одна особенность теоретического музыкального образования в Саратовской консерватории крылась в универсализме деятельности первых профессоров кафедры теории музыки и композиции³⁵. И этот универсализм проявился прежде всего в неразрывной связи дисциплин «гармония» и «композиция» че-

³⁵ Долгое время кафедра имела разные названия: класс «теории композиции» (или класс «специальной теории»), включавший занятия по элементарной теории музыки, гармонии, сольфеджио и сочинению (до 1920); «теоретико-композиторское отделение» (1920–1921); «теоретическая методическая комиссия» (1935–1936); «музыкально-теоретическая кафедра» (1938); «межфакультетская кафедра» (1939). С 1940 года именовалась кафедрой истории и теории музыки. Окончательное возвращение кафедры в «топо» первичных направлений подготовки студентов (композиция и теория музыки) произошло в августе 1961, когда кафедра истории и теории музыки была разделена на две самостоятельные структуры — кафедру теории музыки и композиции, и кафедру истории музыки.